

НИКТО, КРОМЕ НАС!

СПЕЦНАЗ ВДВ

**БАТЯНЯ,
КОМБАТУ ЛИШНЕГО НЕ НАДО**

Сергей ЗВЕРЕВ

Спецназ ВДВ

Сергей Зверев

Батяня. Комбату лишнего не надо

«ЭКСМО»

2009

Зверев С. И.

Батяня. Комбату лишнего не надо / С. И. Зверев — «Эксмо», 2009 — (Спецназ ВДВ)

Норвегия. Скалистые горы, влажные леса и студеное море. В таких условиях приходится действовать майору-десантнику Лаврову по прозвищу Батяня. Офицер спецназа и его помощник ищут предателя Гусовского, сбежавшего за границу от правоохранительных органов. Все бы ничего, да в дело вмешиваются американские морские пехотинцы, а следом за ними – пакистанские бойцы. Лес прочесывают элитные подразделения, профессиональные убийцы со стажем. Нервы натянуты, как струны. Каждая секунда может стать для десантников последней. «Ну и кашу мы заварили!» – скажет Батяня. Вот только кому ее расхлебывать?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Сергей Зверев

Батяня. Комбату лишнего не надо

Глава 1

Рваные балтийские волны с пенящимися всклокоченными гребнями одна за одной накатывались на берег, то и дело смывая с камней греющихся под июльским солнцем насекомых. Полчища беспомощных серебристых рыбок таскало изменчивым течением среди мелких камней вперемешку с водорослями, ракушками и песком. Как только волна, теряя силу, начинала отступать, рыбки, сбившись в стаю, устремлялись к морю, но тут же приходила новая волна, за ней еще одна, потом еще... Рыбки пытались выбраться из этого круговорота, но волны всякий раз возвращали их на прежнее место. Так могло продолжаться неизвестно сколько, если бы не чайки, показавшиеся высоко в небе.

Стая птиц, словно эскадрилья истребителей, приняла форму треугольника и, выждав, когда немного утихнет ветер, устремилась вниз. Выбор жертвы, резкое снижение, неожиданное выравнивание в считанных сантиметрах от воды, молниеносные удары клювом и... Обезумевшие рыбы хлопали жабрами, хватали ртами воздух, а чайки уже уносили свою добычу на излюбленное место трапезы – к яхт-клубу, укрытому от беспокойного моря волнорезом. Оставшиеся в воде рыбы, словно пехотинцы, уцелевшие после атаки с воздуха, продолжали отчаянно бороться с переменчивым течением, не осознавая того, что через некоторое время и они окажутся в клюве у прожорливых птиц.

Что только не перепробовали в борьбе с нечистоплотными надоедливими птицами работники яхт-клуба «Посейдон». Чайки, облюбовавшие это тихое место, обгаживали яхты с восхода и до захода солнца. Поначалу птиц пытались отпугивать низкочастотными звуковыми волнами, наподобие тех, что не позволял акулам приближаться к берегу на дорогих океанических пляжах. Пускали в ход дым. Но ничего не помогало. Чаек, привыкших к близости огромного Питера, ничем нельзя было напугать. Тогда владельцы приняли рациональное решение – увеличить количество уборщиков.

– Бесполезно... – махнул рукой один из охранников в оранжевой куртке, разглядывая нагло парившую напротив окна птицу, – все равно что из рогатки в стадо слонов палить.

Второй охранник резко поднялся из кресла, присел у окна и положил ствол пневмо-ружья на широкий подоконник. Послышался хлопок выстрела, перья посыпались на воду.

– Вторая за день... Прямо между крыльев.

– А толку? – ухмыльнулся охранник в оранжевой куртке, – вон их еще сколько! Всех не перестреляешь.

– Но к этому надо стремиться.

Вдоволь насытившись балтийской рыбой, чайки взмыли в небо и, превратившись там в искристое белое облако, неторопливо подались на север. На горизонт опускалась оранжевая штора заката.

Тени птиц пронесли по металлочерепичным крышам элитного поселка.

– От них всегда столько шума и грязи! – пробурчал солидный мужчина в солнцезащитных очках и поднялся с шезлонга.

Невзирая на свои шестьдесят два года, Василий Игнатьевич Гусовский выглядел бодро и уверенно: румяное лицо, подтянутый живот, прямая осанка, энергичные движения. Многие мужчины его возраста могли лишь мечтать о таком тренированном и ухоженном теле. Но за всей этой красотой, кажущейся на первый взгляд врожденной, стояли многие годы упорных и изнурительных тренировок, которые забирали много времени и нервов. Однако Гусов-

ский был целеустремленным и настойчивым человеком, всегда добивался поставленных перед собой задач. Служба на флоте, военно-морская карьера, сперва казавшаяся ему целью жизни, постепенно отошла для него на второй план. Василий Игнатьевич последние пятнадцать лет берег себя для пенсии, когда можно будет не бояться насладиться жизнью.

Несомненно, именно напористый характер привел Гусовского к званию вице-адмирала и к хлебной должности на Северном флоте. За годы службы Василий Игнатьевич завязал множество полезных знакомств с влиятельными людьми, провернул кучу сделок, установил связи с десятками зарубежных бизнесменов. В советские времена такое казалось немыслимым, но ему удавалось скрывать истинные цели своих контактов. Он умел не только помногу брать, но и понемногу отдавать. Всякий раз, урывая что-то для себя, он не забывал позаботиться о том, чтобы очередная сделка сопровождалась спонсорской помощью флоту. Правило «дымовой завесы» он соблюдал свято. Да и не он же платил, а тайный компаньон! Стоило это «копейки»: пара грузовиков картошки, десяток отечественных телевизоров с видеомagneфонами, несколько тонн свежих фруктов для экипажей российских кораблей. Но такая помощь неизменно обставлялась с помпой – играл духовой оркестр, присутствовали высокие флотские чины. Благодаря чему Гусовский прослыл заботливым и рачительным хозяйственником. Его безупречная репутация за первые полтора десятилетия службы не позволяла никому усомниться в его честности и бескорыстности. Однако звездным часом для вице-адмирала стала международная программа по утилизации отработавших свое атомных подлодок...

Как только Гусовский вышел на пенсию, у него откуда-то появились яхта, роскошный особняк в элитном поселке Стрельня; его жена, не проработавшая за всю свою жизнь ни одного дня, открыла собственное рекламное агентство. Многие друзья вице-адмирала удивлялись этим приобретениям, спрашивали его о источниках доходов. В таких случаях Василий Игнатьевич делал задумчивое лицо и, почесывая щетинистый по-модному подбородок, загадочно отвечал: «Военная тайна». Многие улыбались, не воспринимая его слов всерьез. Хотя на самом деле Гусовский нисколько не шутил. В свою бытность при должности он по долгу службы знал столько секретов и государственных тайн, что ему позавидовал бы сам товарищ Берия.

На чешуйчатую крышу роскошного особняка неспешно напозла тень соседского коттеджа. Насупив густые брови, Гусовский недовольно посмотрел в сторону четырехэтажной домины с огромным садом на крыше.

«Целый ботанический сад себе отгрохал, а что жена по пятницам любовника к себе водит, даже не знает».

Василий Игнатьевич хмыкнул, сдвинул солнцезащитные очки на лоб и поднялся с шезлонга. Блеклый диск солнца, затянутый пеленой, медленно проваливался за горизонт. Гусовский бросил взгляд на дорогие швейцарские часы, украшенные россыпью мелких камней, и тут же выругался, поняв, что просидел на солнце на полчаса больше положенного.

«Как там мои рептилии и земноводные...» – Потирая руки, вице-адмирал заспешил в дом.

Минизоопарк, расположенный в самом центре трехэтажного особняка – в перекрытом стеклянным куполом внутреннем дворике – был небольших размеров. Днем его освещал дневной свет, попадающий сюда сквозь плексигласовый сферический купол, а вечером зажигались десятки ярких плафонов, наподобие тех, какими подсвечивают бассейны. Как только это происходило, три больших террариума, прячущиеся в тени пальм и фикусов, оживали.

Пробудившаяся в террариумах живность приходила в движение. Игуаны и вараны лениво ворочали головами и, вяло переставляя лапы, ползли к камням, согретым искусственным светом. Свернувшиеся в клубок змеи разворачивались и, извиваясь, струились вдоль стекол. Два небольших аллигатора в бассейне открывали глаза и распахивали грозные пасти, то ли для того, чтобы зевнуть, то ли потому, что проголодались.

Гусовский взял в руки ведро, подготовленное женой, и, распахнув окошко в стеклянной стене над бассейном, широко улыбнулся:

– Привет, Генка и Чебурашка.

При виде ведра с выпачканными кровью краями, крокодилы оживились и, словно собаки в предвкушении аппетитной косточки, завияли хвостами. Вице-адмирал запустил руку в ведро – в воду закапали крупные красные капли. Крокодилы словно сорвались с невидимой цепи, набросились на два увесистых куска мяса. Вода запенилась и тут же окрасилась розовым.

В оттопыренном кармане бархатного халата неожиданно зазуммерил мобильник. Инкрустированный перламутром платиновый корпус трубки в руке Гусовского сверкнул на ярком свете. Вице-адмирал вдавил толстым пальцем одну из кнопок:

– Слушаю.

– Ну, здравствуй, Василий, – вырвался из крохотного динамика хриплый голос.

Вице-адмирал не посмотрел на высветившийся на экранчике его трубки номер, чтобы узнать кто звонит – каждому абоненту из записной книжки была присвоена своя мелодия. Охрипший голос принадлежал его старому приятелю и давнему партнеру по бизнесу. Гусовский вспомнил вздорного старика, бывшего дипломата, который скопил не один миллион, но, даже выйдя на пенсию, привычек не поменял, жил в тесной питерской «хрущевке», оставив квартиру в центре Питера детям.

– Привет. Рад тебя слышать.

– В этот раз лучше бы и не слышал, – холодно ответил позвонивший, но тут же добавил:

– Василий, выслушай меня и не перебивай. Времени мало.

Гусовский насторожился. Старый приятель говорил с ним крайне неприветливо и как-то странно.

– Я слушаю, весь внимание...

– Утилизированное всплыло.

Брови вице-адмирала дернулись. Его лоб усыпали бисеринки пота. Гусовскому хотелось переспросить: мол, ты это о чем? Но он безошибочно понял страшный для себя смысл, ведь сказано было практически открытым текстом о том, что уже докопались до их самого крупного дела на флоте.

– Не могу дозвониться до двух наших «партнеров по преферансу», говорят, они сегодня с утра «угодили в больницу». И представь себе, что в один день. Догадываешься, кто следующий?

– Насчет «партнеров по преферансу» предполагаешь, или тебе сказали точно? – голос Гусовского дрогнул.

– Это не имеет значения. Я о себе знаю, и мне больничная койка светит.

– У меня есть на примете хороший «доктор», – имея в виду адвоката, проговорил вице-адмирал, – он и из могилы вытащит...

– Василий, нам никто не поможет. «История болезни» пухлая, летальный исход гарантирован.

В голове Василия Игнатьевича завертелся бешеный водоворот мыслей. Только что сообщенная ему новость перечеркивала всю его будущую жизнь и ставила перед нелегким выбором.

– Приезжай срочно ко мне. Вместе что-нибудь придумаем, – предложил вице-адмирал.

– Поздно, Василий... За мной скоро придет карета «Скорой помощи». А тебе еще можно принять лекарство. Поторопись... Удачи и здоровья!

Связь оборвалась. Гусовский выругался и несколько раз набрал номер, но приятный женский голос твердил одно и то же: «Абонент временно недоступен или находится вне зоны действия сети».

– Временно... – промычал себе под нос Гусовский, чувствуя как все его тело покрывается липким потом, – скорее уже недоступен навсегда.

В глазах потемнело от волнения. Телефон выскользнул из вспотевшей ладони Гусовского и булькнул в воду бассейна. Один из крокодилов мгновенно проглотил дорожный мобильник и тут же залег на дно.

– Тварь безмозглая. Хотя...

Жена Гусовского с удивлением смотрела на мужа – спокойный и рассудительный Василий Игнатьевич теперь метался по этажам дома, потроша полки и шкафы. Повсюду валялось постельное белье, одежда и прочие вещи. В гостиной царил настоящий хаос.

Сорвав со стены рамку, в которой красовалась фотография его любимой яхты «Варяг», вице-адмирал достал перочинный ножик. Лоскут вырезанных им обоев спланировал на пол. На Гусовского смотрела блестящая дверца сейфа. Четыре щелчка по утопленным в панели сейфа кнопкам, и за дверцей мягко щелкнул механизм замка. Несколько пачек сто долларовых купюр, целлофановый пакет, набитый под завязку драгоценностями, стопка паспортов и несколько кредиток, стянутые аптекарской резинкой, исчезли в спортивной сумке. Повернувшись к жене спиной, Гусовский надел на указательный палец серебряный перстень с сероватым полупрозрачным камнем.

– Что происходит? – выйдя из оцепенения, спросила Мария Гусовская.

Василий Игнатьевич обернулся и, поймав на себе обеспокоенный взгляд жены, произнес:

– Я должен на время уехать!

– Надолго? – дрогнул женский голос, – мы же собирались с тобой...

– Дура! – вырвалось у него.

– Кто?

Вице-адмирал промолчал и отвел взгляд в сторону.

– Ты не ответил на вопрос!

Гусовский повернулся, поставил спортивную сумку на диван и, подойдя к мраморному столику, коснулся рукой холодной бутылки водки «Финляндия». Его пальцы плотно обхватили крышку и стали вращать ее против часовой.

Когда небольшая доза спиртного приятно обожгла стенки желудка, Василий Игнатьевич вновь посмотрел в глаза жене. Алкоголь придал ему силы, и теперь он мог сказать то, на что бы раньше у него и духа не хватило.

– Машенька... родная, – каждое слово давалось с трудом, – меня могут арестовать! Я должен на время уехать, и даже тебе не стоит знать, куда...

Маша в миг побелела. Ее ноги подогнулись, затряслись колени, и женщина чуть не села на пол. Подоспевший на помощь Гусовский поймал жену за талию и усадил в кресло.

Выпив глоток водки, Мария стала понемногу приходить в себя.

– Я ничего не понимаю, у тебя же столько друзей. Позвони им...

– Все будет хорошо, дорогая, – чмокнув жену в щеку, ответил вице-адмирал, – лучше всего тебе будет вернуться к матери в Питер. А через неделю, две... я с тобой созвонюсь. Мы найдем друг друга, и все будет хорошо.

Василий Игнатьевич положил руку на плечо жены и тяжело вздохнул. Он понимал, что, может быть, уже никогда ее и не увидит.

– Разве ты не возьмешь меня с собой сейчас? – По напудренным щечкам женщины заструились слезы.

Гусовскому стоило больших усилий сделать непроницаемое лицо и произнести следующие слова:

– Держи, на первое время тебе должно хватить, в конце концов, у тебя есть агентство. Его не заберут. Если будут спрашивать обо мне, говори, что не знаешь, где я и что со мной. – Василий Игнатьевич бросил на мраморный столик пачку банкнот, – ни в коем случае не заходи в наш зоопарк. Это опасно. Ни в коем случае!

– Я... я... – Супруга вице-адмирала не могла составить осмысленной фразы, у нее на время перекрылось дыхание.

Гусовский дождался, когда жена осознанно кивнет. Подхватив спортивную сумку, он, уже не оборачиваясь, направился к выходу. Василий Игнатьевич слышал, как за его спиной плачет жена, ему казалось, что он видит, как шевелятся ее губы, в попытке произнести слова прощания. Но вице-адмирал не мог позволить себе задержаться в собственном доме даже на полчаса. Теперь каждая минута промедления могла стоить ему свободы, а может быть и жизни.

* * *

Виртуозно протиснувшись между вкопанными стальными трубами, закрывавшими въезд в один из питерских дворов, милицейский «УАЗ» покатил вдоль длинной «хрущевки». Зазевавшийся водитель «Жигулей» не успел вовремя принять вправо, и тут же воздух прорезал настойчивый сигнал. Стены домов, словно скалы, отразили его и эхом разнесли по всему двору. Мигалки на крыше автомобиля брызнули красно-синими сполохами. «Жигули» нервно сдали назад и испуганно прижались к высокому бордюру.

В окнах пятиэтажки замелькали силуэты. С другой стороны дома появился микроавтобус с тонированными стеклами. Зеваки и просто любопытные жильцы окрестных домов подтягивались к седьмому подъезду, в него уже метнулись четверо детей в камуфляже с двумя овчарками на коротких поводках. Собаки в намордниках рычали и хрипели, но натянутые ошейники охлаждали их пыл. Две бабушки на лавочке с испугом смотрели на происходящее, уже жалея, что вышли посидеть вечером во дворике.

– Интересно, за кем это? – сплюнув под ноги шелуху от семечка, проговорил кто-то из собравшихся напротив подъезда.

– За цыганами с третьего, – прозвучало убежденно. – К ним днем и ночью наркоманы ходят. А потом у нас во дворе на детской площадке колются. В песочницу ребенка страшно пускать.

– Вот и на них управа нашлась.

– ...так им и надо!

Бывший дипломат спокойно сидел в своем любимом кожаном кресле, купленном за валюту еще в советские времена. Из пожелтевшего от табачного дыма динамика старого радиоприемника сквозь эфирные трески пробивалась песня времен его молодости. Хорошо поставленный, но в то же время грубоватый мужской голос пел про море и стаю чаек, улетающих за горизонт. У ног пожилого приятеля Гусовского лежал безжалостно разобранный мобильный телефон – пара микросхем, треснувший экранчик и разбросанные крохотные кнопочки с цифрами, обгоревшая SIM-карта чернела в пепельнице.

Даже когда за окнами взывала сирена и раздались людские голоса, пожилой мужчина остался сидеть в кресле. А за стеной его гостиной оживились соседи-цыгане, началась беготня, хлопали двери, заплакали дети.

– На этот раз приехали не к вам, – усмехнулся бывший дипломат, – а ко мне.

Но даже сквозь эти тревожные звуки Дмитрий Петрович слышал, как спокойно шипит ядовитой змеей газовая плита на кухне. Его покрасневшие глаза слезились, а голова кружилась, словно он уже битый час ехал на карусели. Холеный старик отсчитывал последние минуты своей жизни.

– Мы знаем, вы дома! Откройте! Милиция! – настойчиво застучали в дверь. Звонок не работал, под ним свисали оборванные провода.

Старик грустно улыбнулся и опустил руку в карман. Его пальцы коснулись теплого металла бензиновой зажигалки.

– Откройте, иначе мы...

– Поздно мне в тюрьму, – беззвучно прошепстели слова, и улыбка исчезла с губ старика, плечи его затряслись, то ли от смеха, то ли от плача.

Вместе с треском и хрустом ломаемой входной двери раздался приглушенный щелчок зажигалки. Волна пламени прокатилась по трехкомнатной квартире. Выбитую милицией, еще не опустившуюся на пол узкой прихожей, входную дверь подхватило взрывной волной и швырнуло на готовых ворваться в квартиру мужчин в камуфляже. Они отлетели к стене. Овчарок выбросило в низкое окно подъезда, грохот и звон эхом разлетелись по лестничной клетке. Внизу, на улице, истошно закричала женщина.

Командир группы захвата с оцарапанным осколками штукатурки лицом сбежал по лестнице и выглянул в окно. Крыша микроавтобуса, на котором он с группой захвата приехал несколько минут назад, была вмята, на ней дергалась в судорогах окровавленная овчарка. Козырек подъезда усыпали осколки стекла и обломки рам. В воздухе еще кружились бумаги и обрывки газет.

Продолжая смотреть на пустой оконный проем, из которого вылетели овчарки, двое подростков закурили по сигарете. С крыши девятиэтажного дома происходящее у «хрущевки» им было видно как на ладони.

– Во, блин, торкнуло! – покосился на пустой шприц и присвистнул паренек, – сегодня собаки... А завтра коты на воздушных шариках?

– Да... – подыграл ему приятель. – Надо будет у цыган еще «дури» взять. Круто вставляет. Сидим здесь и не рыпаемся, пока менты не уедут. Хотя им сейчас не до нас.

* * *

Так называемый Большой Дом на Литейном проспекте величаво возвышался над Санкт-Петербургом, словно старый океанический лайнер у причала. За его непроницаемыми стенами происходила тайная, скрытая от посторонних глаз работа. О том, что дом не изолирован полностью от всего остального мира, свидетельствовали редкие посетители да шляпки параболических и антенн спецсвязи, покрывавшие крышу, как поганки лесную поляну.

Вылив содержимое кофеварки в украшенную двуглавым орлом кружку, интеллигентного вида чекист-технарь довольно причмокнул и присел. Кресло тут же приняло форму его художного тела и чуть слышно скрипнуло. Пальцы легли на полотно клавиатуры и быстро пробежали по клавишам. Компьютер делал порученное ему дело и без напоминания хозяина, но проконтролировать процесс стоило.

На мониторе тут же загорелась табличка, извещающая о том, что телефонный разговор между двумя абонентами сотовой связи завершен пятнадцать минут тому назад и звуковой файл сохранен. Оператор улыбнулся и щелкнул пальцем по одной из клавиш – навигационная программа без долгих раздумий подтвердила прежнее местонахождение одного из двух сотовых телефонов. На экране появилась схема, похожая на те, которые печатают в путеводителях по городам. В углу экрана виднелась окраина Питера, на самом морском берегу протянулись улочки небольшого дачного поселка «Стрельня».

Правая рука оператора скользнула вниз и нащупала на выдвижной доске стола мышку – изображение в несколько раз увеличилось. Красная точка на экране пульсировала, словно тревожно билось чье-то сердце. Оператор отхлебнул кофе и, зафиксировав на уровне губ дужку с миниатюрным микрофоном, произнес:

– Объект по-прежнему у себя в загородном доме. Фиксирую передвижение в пределах здания.

* * *

Кортеж, возглавляемый черным «Гелентвагеном» с тонированными стеклами и спецномером, нагло пер по центральной улице поселка Стрельня, не обращая внимания на многочисленные дорожные знаки. Если бы кто-то вздумал руководствоваться ими, то не смог бы не только заехать в поселок, но даже выехать из него не сумел бы. Очень много влиятельных людей жило здесь, и договориться с милицией об установке знака, затрудняющего жизнь посторонним, им было не в тягость. С них же самих за нарушение спрашивать было некому. Как только по правую сторону улицы появился высокий бетонный забор и возвышающаяся над ним чешуйчатая крыша особняка, машины синхронно, как на параде, приняли к обочине и резко затормозили. Из-под колес брызнул песок. Над улицей поплыл еле заметный дымок, словно улетали остатки утреннего тумана.

Десяток крепких мужчин в черных облегающих костюмах, с миниатюрными наушниками и микрофонами за считанные секунды перекрыли все подступы к особняку. Человек несведущий мог бы решить, что эти люди не иначе, как охранники самого президента, который пожелал провести своего старого знакомого. Наконец распахнулись и дверки «Гелентвагена», двое мужчин с казенными лицами, в строгих костюмах, шагая по неистребимой привычке, в ногу, подошли к воротам особняка. Сильный палец уверенно вдавил пуговку звонка. Где-то внутри дома хлопнула дверь. Над воротами зажужжала и пришла в движение камера наружного наблюдения.

– Кто здесь? – раздался из динамика в стенке напряженный женский голос.

– ФСБ, – показав в объектив камеры раскрытое удостоверение, представился один из мужчин. – Откройте, пожалуйста. – Чекист, как и большинство его здравствующих коллег, а также предшественников по «конторе», отличался вежливостью.

Мария Петровна с трудом стояла на своих двоих – единственной надежной опорой ей служил высокий чемодан на колесиках, к которому она буквально приросла руками. На указательном пальце женщины, как на крючке, болталась связка ключей. Карман плаща оттягивала пачка банкнот. Мария нервничала и дрожала, прикидывая в уме, могут ли явившееся сотрудники ФСБ арестовать и ее.

«Ну почему я не уехала сразу, как советовал Василий? Нужны мне были эти тряпки!» – корила себя женщина.

Но эфэсбешники ничего не имели против самой Марии Гусовской. Все, что им было сейчас нужно, – задержать ее мужа.

– Входите, – непослушными губами и пересохшим языком прошелестела она, и замок с дистанционным управлением сухо щелкнул.

Группа захвата не спешила проникнуть в дом, выскользнуть из него было немыслимо. Двое незваных гостей, хрустя гравием, прошли через двор. Хозяйка встретила их на крыльце и провела внутрь. То, что она не задавала лишних вопросов, являлось хорошим знаком для чекистов, значит – уже была в курсе происходящего. Конечно, ровно настолько, насколько позволил ей это муж.

– Нам нужен Василий Игнатьевич, – прозвучало почти ласковое.

– Не знаю, где он, – раздалось в ответ вполне ожидаемое.

Мужчины переглянулись, их взгляды говорили о том, что вытянуть из супруги Гусовского правду можно, но не сразу.

– Если вы не против, мы осмотрим дом, – косясь на упакованный чемодан, предложил один из визитеров.

– Конечно же.

Осмотр не занял много времени, чекисты просто дали возможность хозяйке оценить обстановку и решить для себя – сотрудничать ей, или же играть в неосведомленность.

– «Крайслер» в гараже... – начинающий сидеть мужчина в строгом костюме прошелся вдоль мраморного столика и опустился на мягкий кожаный диван, – на чем же он уехал?

– Я же говорю, что не обратила внимания.

Эфэсбешник сморщился и, прищулив глаза, пристально посмотрел на женщину.

– Мария Петровна, я понимаю ваши чувства, но не в ваших интересах скрывать от нас информацию, которая поможет отыскать вашего мужа.

Женщина кивнула и крепче ухватилась за выдвижную ручку чемодана.

– С ним что-то случилось? – Вопрос прозвучал неискренне.

– Помилуйте. Мы бы тогда сразу вам сообщили. С ним еще ничего не случилось.

– Что он натворил? – На этот раз тревога была натуральной.

– Многое, – уклончиво ответил эфэсбешник и внимательно посмотрел на госпожу Гусовскую. – Я жду! – В голосе возникли металлические нотки, но тут же пропали. – У вас, кажется, есть рекламное агентство?

Мария уже собиралась открыть рот, чтобы поделиться с представителем ФСБ своими соображениями, но за нее это сделал один из «черных костюмов», вбежавший в комнату.

– Есть информация, что он мог скрыться на своей яхте «Варяг», – произнес сотрудник ФСБ, указывая пальцем на косо висевшую рамку с фотографией, – здесь неподалеку яхт-клуб...

– Бери людей и срочно проверь! – скомандовал начинающий сидеть эфэсбешник и тут же посмотрел на Марию, – мобильный он с собой взял?

– Конечно... – растерялась Мария, – он всегда его с собой носит.

– Тогда звоните. О нас ни слова...

Как только жена Гусовского набрала на своем мобильном телефонный номер мужа, за стенкой гостиной послышался приглушенный зуммер, после чего заиграл «Танец маленьких лебедей» Чайковского. Эфэсбешник машинально запустил руку под пиджак и, расстегнув кобуру, достал пистолет. Его указательный палец изобразил движение стрелки метронома:

– Тссс...

Прижавшись спиной к стене, сотрудник ФСБ медленно двинулся к закрытой двери, из-за которой доносилась тихая мелодия. Громкость понемногу нарастала, нагнетая и до того напряженную обстановку. Эфэсбешник остановился у края двери и учащенно задышал. Мелодия уже звучала по второму кругу.

Надавив на ручку и толкнув дверь, сотрудник ФСБ вместо того, чтобы ворваться в помещение, упал на пол. Его палец, словно в конвульсиях, запрыгал на спусковом крючке. Одна из пуль срезала длинный лист пальмы и раскрошила мраморную плитку на стене. Израсходовав обойму, эфэсбешник тут же откатился за диван, торопливо перезарядил оружие, выглянул, ожидая. Но ответных выстрелов так и не последовало. Бессмертное произведение Чайковского продолжало звучать. В распахнутой двери все еще скреб лапами по камню пола средних размеров агонизирующий крокодил. Лицо сотрудника ФСБ стало белым, как простынь —, к нему неторопливо приближался длинный удав.

Группе захвата впервые в своей практике пришлось выполнять подобную задачу – нейтрализовать рептилию, возвращать удава в серпентариум.

* * *

Налитые свинцом тучи, окутанные туманной дымкой, застыли в вечернем небе, словно парусники, не поймавшие в море попутного ветра. Линия горизонта исчезла из вида, будто небо утонуло в подымающихся на Балтике волнах. Высоко в небе зажигались блеклые звезды, с

запада начинал задувать промозглый ветер. Вода морщилась и пенилась, покрываясь рваными складками волн. Близился дождь, а вместе с ним и шторм.

Моторная яхта с претенциозным названием «Варяг» резала форштевнем воду, прокладывая курс на юго-запад. Небольшое судно раскачивало, подымало на волнах, как бумажный кораблик. Любой здравомыслящий моряк не за что бы не вышел в такую погоду в море, тем более на таком судне. Стоило волнению усилиться на один балл, и яхту тут же перевернуло бы.

Гусовский это прекрасно понимал, но он был лишен возможности выбрать для своего плавания более благоприятное время. Яхта оставалась для него единственным выходом из сложившейся ситуации. Трагической гибели в шторм на собственной яхте, как рассчитывал вице-адмирал, предстояло стать жирной точкой в его личном деле, хранящемся в архиве Министерства обороны. Ведь покойник, как говорится, никому ничего не должен по определению.

Все детали и мелочи своего ухода из жизни он продумал и просчитал еще по дороге в яхт-клуб. По его замыслу «Варяг» должен был затонуть у берегов Швеции. Сам же он на надувной лодке собирался достичь шведского берега, по новым документам перебраться в Стокгольм, купить билеты до Буэнос-Айреса, где жил его старый школьный друг, и начать новую жизнь в Южной Америке. На уровне рассуждений и замыслов это выглядело вполне выполнимо, но в реальности все могло обломиться в любой момент. Мнимая гибель могла обернуться настоящей – погода разыгралась не на шутку. Вице-адмирал трезво оценивал обстановку, а потому не расслаблялся ни на минуту. Мучительно гибнуть в холодной воде Гусовский не собирался. На самый крайний случай имелся серебряный перстень – под видом неприметного серого халцедона в него была вставлена ампула с надежным быстродействующим ядом, способным обеспечить безболезненный уход из жизни. Вице-адмирал всегда был предусмотрительным в мелочах.

Тем временем волны за бортом «Варяга» вздымались, некоторые из них уже выросли в настоящих морских гигантов. Они катились с двух направлений сразу, нападали с двух сторон, ударяясь о судно почти одновременно. Казалось, море ополчилось на Гусовского, осмелившегося бросить вызов беспощадной стихии. Но пока оно еще только пыталось образумить смельчака.

Гусовский мог сдаться прямо сейчас, корпус уже потрескивал. Но покидать корабль раньше времени не входило в его планы. Он мог снять руки со штурвала лишь тогда, когда его яхта окажется в прибрежных водах Швеции, возле острова Готланд.

Василий Игнатьевич стоял у штурвала, разглядывая сквозь усыпанное брызгами стекло рулевой кабины бушующее море. Его жилистые руки со знанием дела вращали рулевое колесо. Как опытный и не раз побывавший в самых сильнейших штормах моряк, Гусовский знал, как и в какой момент ему следует повернуть яхту, чтобы ту не опрокинуло волной. Благодаря своим профессиональным навыкам, приобретенным еще во время службы на флоте, Василий Игнатьевич с завидным умением маневрировал среди огромных волн.

Он не считал часы и минуты до заветной цели. Единственным ориентиром, ведущим его в новую жизнь, была зеленая точка, пульсирующая на располосованном линиями экране. Он знал, что как только в верхнем углу экрана появится изрезанное побережье Готланда, ему нужно будет немедленно покинуть судно.

Погода вносила в его план свои коррективы. Ветер изменился, волны катились уже параллельно выбранному курсу. Приходилось то и дело ложиться в галс. Подобного поворота событий вице-адмирал опасался больше всего. Он осознавал, что в такой шторм его умение управлять яхтой не обязательно и поможет. Тянулись часы, минуты. И вот, наконец, на экране проявилась линия берега.

– Готланд... – счастливо выдохнул Гусовский.

Отправив в эфир сигнал «SOS», вице-адмирал надел спасательный жилет. Осмотрелся по сторонам.

«Пора», – приказал он сам себе и подавил желание вновь взяться за штурвал.

Потерявшее управление судно сильно качнулось под натиском ударившей в борт волны, теперь оно целиком принадлежало стихии. Подхватив запечатанную в прорезиненный брезент спортивную сумку и подтолкнув к выходу надутый заранее плот, Гусовский напоследок перекрестился. В открытую дверь вместе с брызгами и ветром врвался запах новой жизни, за которую Василию Игнатьевичу предстояло еще побороться.

* * *

Редкие лампочки, свисавшие с потолка на коротких проводах, отбрасывали тусклые круги света на стершийся линолеум коридора. У покрашенных в белый цвет стен, словно машины вдоль тротуара, замерли каталы и алюминиевые баки. Холод и сырость чувствовались здесь повсюду. Создавалось впечатление, что морг, разместившийся в подвальном помещении одного из старых питерских домов, представляет собой сплошной холодильник. По большому счету, оно так и было – здесь находилось пять больших холодильных камер.

Седой полковник и молодой майор широко шагали по длинному коридору, словно по плацу военной академии, выдыхая пар и вновь глотая холодный воздух. За их волевыми и бесстрастными на первый взгляд лицами на самом деле притаилась естественная для каждого человека ненависть к смерти. Оба они не задержали взгляды на прикрытом простыней покойнике, преспокойно оставленном на одной из каталок. И полковнику, и майору хотелось поскорее закончить дело, приведшее их в это подземелье, и выбраться отсюда на улицу, туда, где вместо тусклых лампочек – солнце, а вместо покойников – живые люди.

Но любопытство взяло-таки над майором верх. Проходя мимо приоткрытой двери, полковник не удержался и подсмотрел краем глаза происходящее в комнате. К его горлу тут же подкатил комок тошноты. Плечистый патологоанатом в перепачканном кровью халате взвешивал на весах чью-то печень. Делал он это с непринужденным видом, словно продавец на базаре, кладущий на весы свиную вырезку. Майор тут же отвел взгляд и решил сосредоточиться на стертом линолеуме, проплывающем у него под ногами.

– Правда, отвратительное место? – прервал долгое молчание седой мужчина в звании полковника.

– Рано или поздно все тут окажемся, товарищ полковник, – справедливо заметил майор.

Седой мужчина насупился, и уже было открыл рот, чтобы ответить майору-фаталисту, но коридор уперся в двухстворчатую дверь со стеклянным окошком посередине. Толкнув створки, полковник и майор прошли внутрь.

– Добрый день. Мы по поводу...

– Знаю, знаю, – махнул рукой мужчина в бледно-синем, словно выцветшем халате, – рептилию к нам впервые доставили.

Улыбаясь и чуть слышно насвистывая себе под нос веселую песенку, прозектор подошел к цинковому столу и сдернул простыню. Перед мужчинами поблескивало влагой белое пузо аллигатора.

– Если у вас с этим...

– Все нормально. К тому же, это не человек.

– Все мы животные, – ухмыльнулся прозектор, – только социальные.

Надев резиновые перчатки и вооружившись скальпелем, работник морга опустил одну из рук на вздувшееся пузо крокодила, несколько раз надавил на толстую шкуру пальцами и пустил скальпель в ход. Когда все было закончено, прозектор довольно причмокнул и представил на обозрение плод своей работы.

– А я думал, что могли и напутать, – задумчиво почесал подбородок полковник, разглядывая залитый слизью мобильник в руках прозектора. – Входи в курс дела.

Россыпь камней искрилась и играла на свету.

– Вот это да! – воскликнул майор, – на сколько же такой телефон потянет?

Полковник попросил прозектора опустить телефон в целлофановый пакет и повернулся к своему подчиненному.

– Это хитроумная «подстава», чтобы выиграть время. Кстати, «подстава» не единственная.

Посетители скрылись за дверью, оставив прозектора наедине с распотрошенным аллигатором. На этот раз коридор, по которому они пришли сюда, уже не показался им таким длинным. Наверное, потому, что теперь оба были увлечены разговором.

– ...эту суку предупредил бывший дипломат Дмитрий Ровин. После чего покончил жизнь самоубийством, забрав с собой на тот свет газовую плиту «Гефест», пару овчарок и секретную информацию, которая могла бы помочь нам в розыске и аресте Гусовского, – произнес полковник, не отрывая взгляда от потертого линолеума. – Слава богу, бойцы группы захвата отделались легкими ранениями. Все могло быть куда хуже.

– Как же его упустили?

– Наш оператор фиксировал передвижение мобильника в пределах усадьбы, а сам Гусовский удрал на яхте. Неподалеку от Готланда он имитировал кораблекрушение. Команда сторожевика королевских ВМС Швеции, который первым прибыл на сигнал SOS, не обнаружила на борту никого – ни живого, ни мертвого. Он вполне мог утонуть. Или доплыть на надувной лодке до Готланда. Береговая линия там почти не охраняется.

– Почему мы им так заинтересовались? Он же отставник! – спросил полковник.

– В бытность его начальником штаба Северного флота наш ВМФ получил от американцев более сорока миллионов долларов на утилизацию списанных атомных субмарин. Они там по всему побережью стоят и ржавеют. Более половины этой суммы адмирал присвоил. Но это еще не все. Пятнадцать лет назад во время учений в Индийском океане он командовал ядерной субмариной и, находясь вблизи территориальных вод Пакистана, приказал слить за борт радиоактивную воду. Пакистанцы это засекли и выставили нашей стране претензии. Нам пришлось заплатить огромный штраф, а Гусовского тогда на самом верху «отмазали» – честь мундира сберегли. Пакистан, тем не менее, не успокоился. Уверен, у них к этому уроду до сих пор много вопросов. Впрочем, у американцев вопросов еще больше. Ты представляешь, какие секреты он с собой унес?! А найти его будет трудно – по оперативной информации у него несколько загранпаспортов на разные фамилии.

Мужчины не сразу и заметили, как оказались за дверью морга. В лицо ударил яркий солнечный свет. На крыше соседнего дома закаркали вороны.

– Приятно осознавать, что ты все еще жив, – закурив сигарету, полковник направился к черной «Волге».

* * *

В людном зале ожидания стокгольмского аэропорта было шумно и душно. Спрятанные за белыми решетками кондиционеры едва справлялись со своей работой, издавая еле различимый монотонный гул. Большое электронное табло, занимающее почти половину торцевой стены зала, притягивало к себе сотни взглядов. Вновь прибывшие пассажиры останавливались, запрокидывали головы и смотрели на длинный список рейсов. Отыскав нужный, они неторопливо шли к выставленным в ряд скамейкам и, опускаясь на неудобные пластмассовые сидения, ожидали, ожидали и ожидали...

– У шестого терминала начинается регистрация на рейс Стокгольм – Буэнос – Айэрес, – прокатился по залу приятный женский голос, – через пять минут...

Василий Игнатьевич облегченно вздохнул и, протерев носовым платком вспотевший лоб, встал со скамьи. Его пальцы сомкнулись на ручке спортивной сумки. Оглядываясь по сторонам, он засеменял к стойке, над которой уже горела цифра «шесть».

– Пожалуйста, – негромко произнес вице-адмирал по-английски, достав паспорт на чужую фамилию и билет на самолет.

– Бизнес-класс. Место семь «А», – отметив что-то у себя в компьютере, девушка вернула Гусовскому документы и посадочный талон, – приятного полета.

Гусовский улыбнулся – все шло как нельзя лучше. Уже завтра он будет потягивать бразильское кукурузное пиво. Вице-адмирал любовно погладил камень на перстне.

«Не пригодился и, надеюсь, не годишься».

Сложив билет вдвое и просунув его между двух последних страниц в паспорте, вице-адмирал внезапно почувствовал, что кто-то сверлит ему взглядом спину. Он не впервые испытывал подобное чувство, и до сих пор оно никогда его не обманывало.

– Не дергайтесь, – раздали тихие слова в подтверждение его мыслям.

Василий Игнатьевич затаил дыхание, вслушиваясь в биение своего сердца. Говорили по-русски, но с сильным акцентом. Его глаза забегали в надежде отыскать вблизи полицейского. Но кроме спешащих людей и мило улыбающейся девушки за стойкой вокруг никого не было. В голову Гусовскому пришла неожиданная идея – крикнуть во все горло: «В зале террорист». Как правило, такой ход проходит на «ура» – в образовавшейся панике и во всеобщей суматохе можно скрыться от преследователей.

– Даже не думай! – остудил его пыл тот же голос за спиной.

Почти тут же вице-адмирал почувствовал под левой лопаткой укол холодной иглой. По телу пробежала неприятная дрожь. Затуманенным взглядом Василий Игнатьевич смог рассмотреть лица двух мужчин в серых костюмах и опустевший шприц, чуть видневшийся из ладони. Мгновение – и тот оказался в близстоящей урне.

Тело вице-адмирала обмякло. Двое в серых костюмах, словно репетировали свои действия заранее, подхватили Гусовского под руки и потащили к выходу.

* * *

Горевшие вдоль дороги фонари отбрасывали на расчерченный белыми линиями дорожной разметки асфальт яркий теплый свет. Скопище машин медленно тянулось по автомагистрали, хотя дорожные знаки предписывали автомобилистам развивать скорость не менее ста десяти километров в час. Дорожное движение по автобану превратилось в настоящую похоронную процессию. Отовсюду доносились короткие пiski клаксонов и взволнованные возгласы водителей.

Объехав место аварии, оцепленное полицией, черный «Вольво» свернул на узкую бетонную дорогу. Вслед за машиной поднялась легкая пыль. Изредка цепляя боковыми зеркалами ветки деревьев и кустарник, автомобиль стал набирать скорость.

Водитель не жалел машину. Подпрыгивая на выбоинах старой дороги, использовавшейся лишь во времена строительства аэропорта, тяжелый «Вольво» ударялся о землю с такой силой, что, казалось, вот-вот отвалится бампер, а за ним отлетят и сами колеса. Но, по-видимому, тех, кто находился внутри автомобиля, мало волновало его техническое состояние, куда более важным для них было вовремя успеть в пункт назначения.

Проехав около пяти километров, водитель резко надавил на педаль тормоза. Машина остановилась у невысоких сетчатых ворот, за которыми переливались огни взлетно-посадочной полосы небольшого грунтового аэродрома.

Из машины выбрался пухлый человек в форме шведского полицейского. Не теряя ни минуты, он подбежал к задней двери автомобиля и надавил на ручку. Двое здоровяков с

каменными лицами и в серых костюмах вытащили на улицу мужчину. Охранники, дежурившие у ворот, переглянулись – человека с белым мешком на голове, руки и ноги которого были защелкнуты в наручники, сюда привозили впервые.

– Экстрадиция опасного преступника, – пояснил офицер полиции, предоставляя охранникам необходимые документы.

Бумаги были в полном порядке, из них следовало, что самолет с экстрадируемым направляется в Норвегию – в Нарвик, где располагалась одна из крупнейших на территории Европы американских военных баз.

– Проходите! – кивнул один из охранников.

Взяв заключенного под руки, двое в серых костюмах потащили его вдоль вертолетного ангара. Полицейский бежал впереди, постоянно переговариваясь с кем-то по рации. Немногочисленные работники аэродрома на время забросили свои дела и с интересом наблюдали за четырьмя, пересекающими грунтовое поле.

Через десять минут на взлетно-посадочную полосу выкатили небольшой самолет «Сесна». Разогнавшись и словно упруго оттолкнувшись от земли, он воспарил над аэродромом. Проводив взглядом крылатую машину, исчезающую в ночном небе, охранник вернулся к разгадыванию кроссворда.

– Высшее звание на флоте...

– Адмирал! – тут же ответил второй охранник и присел на раскладной стул.

* * *

Любая авиакатастрофа, будь то крушение пассажирского самолета, столкновение в небе двух громадных авиалайнеров или падение небольшого моноплана всегда заставляет случайных свидетелей застыть на месте и с разинутыми ртами наблюдать за страшным, но в то же время завораживающим зрелищем.

– Смотрите! – крикнул кто-то из прохожих и, подбежав к перилам, указал в небо.

Через несколько минут на набережной в норвежском Нарвике стало как никогда тихо. В кафешках и ресторанчиках перестала играть музыка, смолкли голоса завсегдатаев и туристов. Застыв на месте люди все как один, наблюдали за белой точкой в небе, охваченной огнем.

– Летающая тарелка! – прошептал пожилой мужчина с фотоаппаратом на шее.

– Ерунда... Это метеорологический зонд или выведенный из строя спутник, – громко прокомментировал происходящее в небе дедуля в роговых очках, стекла были такими толстыми, что он наверняка не видел дальше вытянутой руки.

– Шаровая молния...

Но как только неопознанный объект увеличился в размерах, в нем можно стало узнать небольшой самолет «Сесна», машина резко снижалась прямо над Вест-фьордом. Пожилой мужчина мгновенно схватил фотоаппарат и приступил к съемке. Набережная, словно стадион перед началом финального матча лиги чемпионов, засверкала вспышками.

Скажи пилоту двадцать минут назад, что в его новом самолете откажет и загорится двигатель, он не поверил бы. Ведь перед каждым вылетом металлические внутренности машины осматривали механики и заявляли со стопроцентной уверенностью, что все в порядке. Однако теперь пилоту «Сесны» оставалось совсем немного – посылать на их головы проклятия. Завалившись на правое крыло, его самолет стремительно приближался к свинцовой воде фьорда. Поделаться с этим он ничего не мог, как не могли ничем помочь и его пассажиры.

Вырывающийся из-под обшивки фюзеляжа дым обтекал стекло кабины, делая обзор практически нулевым. Вспыхнувший несколько минут назад огонь уже успел перекинуться на крылья. Из-за пляшущих, извивающихся на ветру языков пламени саму «Сесну» с земли уже практически не было видно. Самолет превратился в сплошной огненный факел. Внутри салона

плавилась, дымилась обшивка, вздувалась под огнем краска. Огонь беспощадно уничтожал все, что попадалось ему на пути.

Мучениям пилота и пассажиров вскоре пришел конец – огонь встретился с парами бензина, прогремел взрыв. Под вспышки фотоаппаратов и возгласы людей охваченные огнем обломки разлетелись в ночном небе фейерверком. Прочерчивая в воздухе дугообразные трассы, они падали на воду. Норвежское море у набережной расцветилось множеством маленьких огоньков.

Глава 2

Командир батальона спецназа ВДВ майор Лавров, заслуживший у бойцов почетную кличку Батяня, прохаживался вдоль огромных туш «Ил-76», издалека наблюдая за полосой препятствий, где проходили тренировку молодые бойцы. В солнцезащитных очках комбата, надежно прикрывавших глаза, искрились самолеты, мелькали бойцы, плыли белые и легкие как пух облака.

Однако, невзирая на солнечную погоду и легкий бодрящий ветерок, майор чувствовал себя немного «помятым» и не выспавшимся – голова гудела, а мышцы казались одеревеневшими. Причиной достаточно поганого состояния была вчерашняя встреча с боевыми товарищами, затянувшаяся до поздней ночи.

Поэтому пластмассовая бутылка минералки, которую Андрей Лавров так бережно нес с собой, была уже наполовину пуста. Но, несмотря на приличное количество выпитой жидкости, легче не становилось. Честно говоря, майор на это и не надеялся. Так или иначе, он отлично знал, что похмелье можно лечить двумя проверенными способами: выпить бутылку пива или поспать. Но так как ни первого, ни второго по долгу службы он сделать не мог, приходилось обманывать себя обыкновенной, успевшей согреться минеральной водой.

– Товарищ майор, – прозвучал несколько резкий голос капитана Збруева, – мне передали, что вы хотели со мной поговорить.

Сделав глоток минералки, Батяня смерил молодого офицера неодобрительным взглядом. Капитан Збруев, недавний выпускник военной академии, почти не имеющий за плечами практического опыта, не вызывал у Лаврова даже маломальских симпатий. Подобное отношение майора к молодому офицеру носило не личный характер, а полностью основывалось на профессиональной некомпетентности последнего.

Батяня ценил бойцов, которые собственными силами и мозгами добились заветной цели. Но молодой капитан Збруев не попадал в эту категорию. Будучи сыном влиятельного генерала из «арбатского военного округа», он пробился в элиту ВДВ благодаря своему папаше. Однако и на это Лавров смог бы закрыть глаза, если бы молодой капитан не муштровал своих бойцов, заставляя их выполнять нелепые и подчас дурацкие приказы.

– До меня информация дошла, что ты заставляешь молодых кровать «по нитке» застилать, – сняв солнцезащитные очки, майор прищурился, – в бою это им не понадобится. Настоящий десантник должен уметь стрелять, прыгать с парашютом и быть готовым к любым неожиданностям. Все остальное – «танцы».

– Я действую, не выходя за рамки и на основании Устава, а также приказов министра обороны, – живо выпалил Збруев и тут же скосил глаза на пустую пластмассовую бутылку в руках майора, – а бытовая распушенность российским офицерам чести не делает.

Ответ капитана задел самолюбие майора. Но Батяня был сдержанным человеком и прежде, чем что-либо сделать, всегда взвешивал все «за» и «против». На этот раз здравый смысл подсказывал, что от встречного оскорбления или удара по морде лучше воздержаться. Лишняя головная боль Андрею Лаврову была ни к чему.

– По Уставу... говоришь... – майор почесал затылок, – тогда давай посмотрим, какой из тебя стрелок. Огневая подготовка по расписанию у нас после обеда. Успеем отстреляться и мы.

Капитан хотел было что-то ответить, но Батяня уже шагнул к стрельбищу. Не последовать за ним Збруев не мог. Проклиная себя за свой длинный язык, он поспешал за комбатом.

Отгороженный забором из «колючки» и валами участок поля, на котором виднелось множество мишеней-силуэтов, подготовленных для занятий, был пока пуст. Поудобнее уложив мешок с песком, капитан разгладил носком ботинка сухую траву и занял позицию для стрельбы.

- Выбирай себе мишень, – распорядился комбат.
- Поясная. – Капитан стволом автомата указал на выбранную им цель.
- Стрелять будешь по моей команде. Короткими очередями.

Лавров стоял рядом со Збруевым и с ухмылкой на губах наблюдал за последними приготовлениями капитана.

- Огонь! – скомандовал комбат, когда ствол автомата застыл.

Збруев нажал на спусковой крючок. Прогремела короткая, на три патрона, очередь. Майор достал бинокль и приложил окуляры к глазам. Лишь одна из выпущенных капитаном пуль задела мишень.

- Продолжай, – холодно проговорил майор Лавров.

Израсходовав весь рожок, Збруев тихонько выматерился, понимая, что провалил стрельбу. Центр мишени так и остался нетронутым.

Ничего не говоря, Батяня протянул капитану бинокль, взял автомат и, оставшись стоять, прижался щекой к холодному прикладу. Раздалась короткая очередь.

- Смотри! – произнес комбат и открыл минералку.

Увеличенная линзами бинокля мишень была прошита в центре пулевыми отверстиями. Сквозь тонкие дырочки лился солнечный свет. Капитан сглотнул слюну и опустил бинокль.

– Да, грешен, вчера выпивал – друга поминали, двадцать лет, как в Афгане погиб. А ты, Збруев, вчера с особистом в преферанс играл. Десантник должен метко стрелять в любом состоянии. Теперь понял, чего ты стоишь? А с особистами лучше во внеслужебное время не встречаться.

Капитану ничего не оставалось, как отвести взгляд в сторону. Пришлось признать перед самим собой, что майор совершенно прав.

Заслышав гудение двигателя, Батяня обернулся. Вдалеке по дороге пылил штабной «уазик». Майор криво улыбнулся и полез в карман за сигаретой.

«Снова я понадобился».

Выбравшийся из машины посыльный комполка лишь подтвердил его догадку:

- Товарищ майор, вас срочно вызывают в штаб.

* * *

Вентилятор под потолком кабинета нервно вращался. Его громадные лопасти перемалывали в душном, прокуренном воздухе густое облако сигаретного дыма. Направляемые ими потоки ветра трепали стопку бумаг. Черный компьютерный процессор, возвышающийся на столе, нудно жужжал и вибрировал, словно внутри него было спрятана куча зуммерящих пейджеров.

Заваленная окурками пепельница напоминал вулкан после извержения. Горы пепла и торчащие из них желтые фильтры требовали немедленной уборки, но хозяин кабинета не обращал внимания на беспорядок. Сжимая в зубах сигарету, он смотрел на мерцающий экран монитора и виртуозно шелкал пальцами по клавиатуре. Говард Хьюз слыл в управлении оригиналом, из всей новомодной техники он дал прописку в своем кабинете только компьютеру, все же остальное предпочитал старое – проверенное временем, пришедшее из той эпохи, когда, по его словам, «еще делали вечные вещи».

В кружке с чуть надтреснувшей ручкой, украшенной эмблемой ЦРУ, остывал кофе без сахара. Трепыхающийся в углу кабинета американский флаг переливался красно-белыми полосками и звездами пятидесяти штатов. Над входной дверью, обрамленный в строгую рамочку, висел умиротворяющий душу сельский пейзаж.

Говард Хьюз сделал глоток противно теплого кофе и, поморщившись, нажал пальцем пухлую зеленую кнопку внутренней связи. Из динамика послышался голос секретаря.

– Пригласите ко мне... – Отдав необходимые распоряжения, Говард закурил сигарету. Но не успел он сделать и пятой затяжки, как динамик внутренней связи ожил.

– Сэр...

«Пунктуальна, чертовка», – улыбнулся Хьюз и тут же произнес:

– Пусть войдет!

Дверь чуть слышно хлопнула, и порог кабинета переступила длинноногая мулатка. Облегачающий ее упругое тело строгий костюм подчеркивал изящную фигуру. Чуть заметно покачивая бедрами и слепя хозяина кабинета белоснежной улыбкой, женщина подошла к столу.

– Вы не против? – Коснувшись руки Хьюза, в которой тот держал сигарету, она настойчиво надавила на косточку его указательного пальца.

Говард стиснул зубы, но не сумел противостоять боли. Он дернул рукой – сигарета упала в пепельницу.

– Погасите, пожалуйста, сэр. Я не курю, – опустившись в кресло, вежливо произнесла мулатка.

– Извините, агент Бриджес, я все время забываю, что вы бросили, – прижав сигарету к стенке пепельницы, произнес Говард. – Вы незаменимы, что было доказано...

– Давайте сразу перейдем к делу! Без условностей, – сказала, как отрезала, агент Уитни Бриджес.

Положив руки на подлокотники рабочего кресла и с грустью в глазах посмотрев на пачку сигарет, хозяин кабинета произнес заранее заготовленную фразу:

– У русских есть хорошая поговорка: «не рой яму другому, сам в нее попадешь».

– Сэр, если вы решили удивить меня знанием русских поговорок, то я тронута... Кстати, это всего лишь слегка измененная цитата из Евангелия. Все-таки давайте сразу перейдем к делу. Я хочу поскорее закончить с новым заданием и вернуться к прерванному отпуску.

Хьюз соорудил постную мину и положил перед мулаткой личное дело Гусовского.

– Он пытался обмануть и русских, и шведскую береговую охрану, симитировав кораблекрушение. Но теперь вице-адмирал...

– Разве господин Гусовский что-то может делать теперь? Он же мертв.

Говард хмыкнул себе под нос:

– В «Сесне», которая взорвалась над морем, Гусовского не было.

Уитни придержала юбку, закинула ногу за ногу и задала вполне ожидаемый вопрос:

– Кому поставим памятник?

– Там были парни из нашего ведомства, – спокойно ответил хозяин кабинета, – их семьи получат пособие. Так что погибли они не зря.

– Поспешу успокоить мою старенькую маму, что ей не грозит бедность в старости. О ней будет кому побеспокоиться, кроме меня.

Хьюз несколько раз кашлянул и посмотрел на улыбающуюся Бриджес.

– А что, русские им сразу же плотно заинтересовались? – быстро сменила тон разговора мулатка.

– Шведы – ребята слишком честные и поэтому тут же информировали русское посольство, что на яхте Гусовского не было, а на побережье Готланда обнаружены остатки спасательного плота. Русский МИД потребовал немедленной выдачи беглеца. Поэтому и пришлось устроить инсценировку с самолетом. И теперь мы со спокойной совестью информировали русскую сторону о гибели Гусовского.

– Интерес русских был предсказуем. Хранители секретов просто так не гибнут.

– Но не только они интересуются вице-адмиралом. Сумасшедшие пакистанские исламисты, хоть они и наши союзники, давно имеют на него зуб, в свое время даже требовали «голову» Гусовского у Москвы. Заочно он приговорен ими к смертной казни.

– Где он сейчас? На нашей базе в Норвегии? – Улыбка уже окончательно сошла с лица Бриджес.

– С ним плотно работают. Адмирал по-прежнему знает много ядерных секретов. А ведь его официально уже как бы и не существует. Главное теперь избежать утечки правдивой информации. Ваша задача следующая...

* * *

Как только мулатка покинула здание, она тут же присмотрелась к немногочисленным посетителям. Ей сразу же не понравился невысокий, малоприметный мужчина в сером костюме, он делал вид, что пытается отыскать в записной книжке мобильного нужный номер. В одно мгновение она определила, что на самом деле его заинтересовала она сама – Бриджес. Вполне могло оказаться, что причина интереса – ее стройная фигура, но мужчине с его комплекцией наверняка не на что было рассчитывать. Значит... Уитни, стараясь не сильно спешить, направилась к стоянке. Номер в мобильнике неприметного мужчины отыскался тут же. Чутким ухом Бриджес уловила короткий сигнал телефона в машине, припаркованной рядом с ее автомобилем. Человек, сидевший за рулем, ответил незамедлительно, при этом делал вид, что Уитни его абсолютно не интересует.

«Пасут. Что, впрочем, неудивительно», – решила агент, открывая дверцу.

Последние сомнения отпали, когда та же машина замаячила в потоке автомобилей на людной улице. Полностью раствориться в потоке, даже с навыками маскировки, приобретенными в школе ЦРУ, Уитни было не по силам.

Проехав вдоль пестрящих манекенами витрин магазинов, мулатка приняла вправо и, высмотрев свободное место, припарковалась. Этот магазин женского белья она знала, как свои пять пальцев. И не потому, что часто делала в нем покупки, просто его планировка была идеальной – торговый зал представлял собой пассаж. Второй выход находился на соседней улице. Запрокинув голову, она посмотрела на ультрасовременную башню с часами. Длинный шпиль на ее крыше напоминал иглу, надетую на шприц, а два облака над ней – огромные белые ягоды, в которые вот-вот будет произведена инъекция.

«Черт, Говард... Из-за него на десять минут опаздываю. А теперь „хвост“, – выругалась про себя мулатка и слегка повернула голову.

Преследователь уже парковал свой автомобиль у соседнего магазина.

«Мужчина, даже если он профессионал наружного наблюдения, неудобно чувствует себя в магазине женского белья и вряд ли досконально знаком с его планировкой», – усмехнулась мулатка, скрываясь за зеркальной дверью.

Преследователь пробежал семьдесят метров, отделявших его от стеклянной двери. В торговый зал он зашел степенно, с напускным безразличием на лице. Уитни уже успела укрыться в кабинке, она торопливо писала в блокноте и одновременно краем глаза наблюдала за мужчиной через узкий проем. Преследователь под неодобрительными взглядами покупательниц прошелся по залу и задержался у остекленного прилавка, где были выложены презервативы для анального секса. В самом деле, где еще продавать такие штучки для гомиков, как не в магазине женского белья? В пуританской Америке их в магазине для мужчин на осмотр не выложишь, вмиг распугаешь покупателей с нормальной ориентацией.

План Уитни сработал. Преследователь наконец метнулся за одной из темнокожих покупательниц, покидающей здание, спутав ее с Бриджес. Для того, чтобы понять свою ошибку, ему не потребовалось много времени, но и этого было достаточно, чтобы Уитни покинула зал через другой выход.

«Во-первых, путь срежу. Во-вторых, он наверняка решит, что я не рискнула сюда свернуть», – приняла решение агент и оказалась в узком пространстве между двух небоскре-

бов-гигантов. В нос тут же ударил запах гниющих овощей, выпиравших из-под оцинкованной крышки переполненного контейнера. Уитни зацокала каблуками по влажному асфальту. Разлетавшееся от этого стука эхо пугало ворон и голубей, разместившихся на ступеньках пожарных лестниц безлюдной улицы. Они срывались с мест и описывали в воздухе неровные круги.

Мулатка точно не знала, куда именно выведет ее этот путь. Но логика подсказывала, что так она выиграет по крайней мере минут десять, и может быть, еще успеет прийти на встречу вовремя. А если повезет, то и вовсе окажется на условленном месте первой.

Улочка расширилась и стала похожа на обыкновенную городскую улицу, только без магазинов и прохаживающихся горожан. Здесь чернели мусорные баки, у стен, разрисованных граффити, высились склады картонных коробок. Бриджес ускорила шаг, чтобы поскорее оказаться в оживленном месте. К тому же впереди уже виднелся проем, в котором мелькали силуэты людей.

Ходить даже днем было рискованно. Мулатка это почувствовала сразу же, как только увидела бомжа, вылезающего из картонной коробки от холодильника. На нем было напялено столько одежды, что по ней трудно было бы определить – зима сейчас или лето. Встретившись с ним взглядом, Уитни ускорила шаг. Теперь она почти бежала.

Когда до заветного просвета в конце улочки оставалось метров двадцать, двадцать пять, из-за мусорного бака показался крепко сложенный чернокожий бугай с бейсбольной битой. Поигрывая ею, он улыбался беззубым ртом. Его глаза, прикрытые козырьком кепки, оставались в тени. Бриджес вздохнула, теперь встреча однозначно откладывалась. И, видимо, опоздание будет продолжительным. За спиной у нее раздался грубый мужской голос:

– Эй, кукла Барби. Гони сумочку и не оборачивайся.

Мулатка остановилась, перебирая в голове варианты, как выбраться из ловушки с минимальной потерей времени. Идеальным было бы достать револьвер и пригрозить отмороженным подросткам пушкой. Но оружие осталось в машине. Неделя отпуска чуть ослабила ее профессиональное чутье.

«Позвать на помощь... Нет, ничего не выйдет. На улице меня никто не услышит. Бежать...»

– Сумочку, я сказал, – настойчиво повторил тот же грубый голос.

Уитни в упор посмотрела на чернокожего подростка, стоявшего перед ней. Ей показалось, что помимо выбитых зубов у него был вырезан и язык, так как за него говорил его товарищ, находившийся у нее за спиной. И еще неизвестно, что у того в руках. Вместе с тем она понимала, что если ничего не предпримет в ближайшую минуту, то в лучшем случае будет ограблена, а в худшем... Думать об этом не хотелось, и мулатка перешла к решительным действиям.

– Полиция! Всем оставаться на своих местах, – продемонстрировав чернокожим парням полицейский значок, предназначавшийся для оперативного прикрытия, громко произнесла Бриджес.

Парень с бейсбольной битой замычал, как корова при виде доильного аппарата. Уитни поняла, что не ошиблась – чернокожий пацан был немой. Ее пальцы расстегнули пару нижних пуговиц пиджака и нащупали твердый, холодный предмет во внутреннем кармашке.

– Удивила, – засмеялся невидимый за спиной, – такие в любом игрушечном магазине...

Бугай замычал еще сильнее и замахал руками, пытаясь предупредить своего товарища о надвигающейся опасности, но было уже поздно. Резко развернувшись и встретившись взглядом с парнем, стоявшим позади, Бриджес незамедлительно пустила в ход свое оружие. Струя слезоточивого газа с частицами перца, гейзером выстрелила в лицо не по годам развитого подростка.

– М-мм-у, – услышала Уитни у себя за спиной.

Отскочив к мусорному контейнеру и прижавшись плечом к холодному металлу, мулатка «сфотографировала» краем глаза биту, пролетающую в считанных сантиметрах от ее головы. Бита опускалась медленно и как бы рывками. На самом деле, все происходило куда быстрее и динамичней. Но сознание Бриджес перешло в особое состояние, выработанное продолжительными тренировками. Происходящее вокруг виделось ей в замедленном темпе. Благодаря этому эффекту восприятия действительности, она могла действовать с опережением. Поэтому когда парень замахивался битой для очередного удара, кулак мулатки уже пошел ровнять ему рельеф лица.

Бриджес чувствовала себя более чем уверенно. У чернокожего подростка просто не было шансов на победу. Получая сокрушительные удары по лицу, он пытался к стенке, безуспешно пытаясь поднять свою биту. Но с каждой секундой его неудачные замахи становились все слабее и слабее. Вскоре его руки и вовсе опустились, неопределенно повиснув в воздухе. Подросток покачнулся и завалился на асфальт, словно боксер, получивший нокаут. Уитни резко развернулась, вспомнив о втором парне, которому несколько секунд назад она приснуло в лицо слезоточивым газом. Но его и след простыл.

– Ни царапины! Даже прическа не тронута, – достав из косметички зеркальце, улыбнулась своему совершенному отражению мулатка.

Закусочная на углу не выделялась среди подобных ей заведений. Стекла во всю стену, завешенные плотными шторами, стандартные столики, мягкие диваны с высокими спинками. Днем здесь протекала спокойная, размеренная жизнь. Бриджес прошла внутрь и, прежде чем ее глаза привыкли к полумраку большого обеденного зала, услышала знакомый мужской голос. Бритый наголо мужчина сидел в самом углу, за самым дальним от входа столиком. Он потягивал из большой кружки пенистое пиво. Его правая рука держала у уха крохотный мобильный телефон.

– Хорошо. До связи. – Мужчина закончил разговор и вопросительно посмотрел на севшую перед ним Бриджес.

– Извините, по дороге сюда возникли некоторые...

– Вы сделали то, о чем я вас просил?

Открыв сумочку, Уитни протянула лысому конверт. Волосатая рука аккуратно надорвала край бумаги. Подцепив пальцем краешек письма, мужчина вынул лист бумаги, наполовину исписанный от руки. Пробежавшись глазами по тексту, он задумчиво почесал подбородок и сделал глоток из кружки. Его большой палец скользнул по кремневому колесу и вдавил пластмассовый язычок в корпус зажигалки.

– В следующий раз нам будет лучше общаться через Интернет, – предупредила Уитни, – за мной плотно следят.

– Следят и за Интернетом.

– Я умею уклоняться от слежки.

– Извините, ваше сообщение заставляет меня поторопиться. Не выходите раньше, чем через десять минут после меня.

Огонь в пепельнице догорал.

– Я сама все сделаю, – пообещала Бриджес.

После ухода лысого мужчины Бриджес еще некоторое время сидела за столиком, разглядывая в пепельнице сморщившийся от огня лист бумаги. На черном выгоревшем, но пока не раставшемся пепле еще можно было рассмотреть две первые кириллические буквы письма – «Гу...» Агент ЦРУ старательно размешала пепел чайной ложечкой.

* * *

– По вашему приказанию прибыл, товарищ полковник, – четко произнес Андрей Лавров, переступив порог.

– Вызывал. Проходи, располагайся! – ответил властным голосом хозяин кабинета.

Беззвучно прикрыв за собой дверь, десантник присел на один из стульев у стенки. Стол для совещаний комполка использовал лишь по прямому назначению, одиночным посетителям место за ним никогда не предлагалось.

– Пришлось мне тебя от будничных дел оторвать.

– Я весь внимание, товарищ полковник.

– Говорить не со мной будешь. Тобой товарищи интересуются.

Обтекаемое «товарищи» не обещало ничего хорошего. Дверь открылась, и в кабинет вошел пожилой мужчина в черном костюме. Окинув майора холодным взглядом, незнакомец представился:

– Подполковник Ванеев. Служба внешней разведки.

Крепко пожав вялую и оказавшуюся влажной руку подполковника, Андрей про себя выругался. Начавшийся похмельем день получил логичное продолжение. Что теперь о нем мог подумать сотрудник СВР?

– Наслышан о вас, майор, – с задумчивостью восточного мудреца Ванеев почесал аккуратную бородку, – будет правильно, если я сразу перейду к изложению сути.

Батяня промолчал, давая понять чекисту, что полностью с ним согласен. Зачем произносить служебные комплименты? Если он, Лавров, понадобился, значит, его личное дело уже старательно изучено.

– Тогда извольте... – Мужчина в черном костюме несколько раз кашлянул и, откинувшись на спинку кресла, начал говорить.

Говорил Ванеев медленно, с паузами, словно все еще не мог для себя решить: подходит майор Лавров для выполнения задания или лучше будет привлечь другого человека. Отчего фразы у него получались незаконченными и как будто обрубленными, как текст на обгоревшей по краям рукописи. Однако через десять минут, показавшихся комполка Павлову и комбату Лаврову целой вечностью, подполковник неожиданно оживился и заговорил со скоростью диктора радионовостей.

– ...американцы на наш запрос официально сообщили нам о крушении самолета, о гибели всего экипажа вместе с пассажирами и, как следствие, о невозможности выдачи вице-адмирала. У них было к нему немало вопросов, касающихся украденных двадцати миллионов. Мы решили проверить их информацию по своим каналам. Так вот, по нашим оперативным источникам, Гусовского на борту разбившегося самолета не было. Более того, нам удалось установить, что этот мерзавец находится в зоне отдыха неподалеку от Нарвика, в особняке, принадлежащем американскому посольству в Норвегии. Это территория военной базы. Я не имею права тебе, майор, приказывать, а просто предлагаю...

Ванеев запнулся, будто его язык прилип к верхнему небу, казалось, что он сейчас перечитывает невидимую страницу из личного дела Батяни.

– Тут написано, что ты хорошо владеешь английским. – И он скосил глаза на толстую папку на столе Павлова.

– Есть немного, но акцент у меня неистребим. А еще сносно владею немецким, и таджикским, – скромно заметил Андрей. – В любом случае, допросить «языка» сумею, кем бы он ни оказался. Что от меня требуется?

– Тебя и еще одного человека... на твой выбор, перебросят в Финляндию... оттуда, на частном самолете – в Норвегию.

Лавров провел пальцами по коротко стриженному виску и на секунду задумался, решая, что ответить подполковнику из СВР. И тут неожиданно для себя отметил, что тяжесть в голове начисто исчезла. Теперь он мог «трезво» смотреть на вещи в прямом смысле этого слова.

– Наша легенда?

– Вы новозеландские рыбаки-любители, туристы... – Где-то внутри подполковника словно переключился тумблер, и он снова стал выплевывать слово за словом. – Это сможет объяснить ваш акцент. Новозеландцы в Норвегии – редкие гости. Соответствующие документы мы предоставим. Задача минимум – найти и уничтожить мерзавца прежде, чем он расколется, максимум – доставить его живым в Россию для передачи под суд. Учитывая ситуацию, в средствах мы вас не ограничиваем.

– Если все так просто, товарищ подполковник, то почему этим не займутся ваши люди? – Вопрос Лаврова прозвучал немного провокационно, но в то же время обосновано.

Наконец, Ванеев удостоил присутствующих в кабинете десантников скупой улыбки, похожей на оскал волка. Большого от сотрудника СВР Андрей, честно говоря, и не ожидал.

– Недавно в Норвегии был разоблачен и выслан наш агент, работавший под крышей культурного представительства. Повторный скандал в ближайшие полгода нам не нужен. Однако в операции с вами все-таки будет задействован и наш человек, он будет вас дистанционно координировать. Кстати, вам нужен напарник, великолепно владеющий английским. Это обязательное требование. Иначе группа «засыплется».

Лавров понимающе кивнул – объяснение Ванеева было вполне логичным.

«Но как будет задействован их человек? Ведь он только что говорил...»

– У вас есть таковой на примете? – сбил десантника с мысли полковник СВР.

Батяня уже забыл, о чем подумал мгновение назад. Теперь в его голове прокручивались кандидатуры десантников, от которых требовалось отличное владение английским языком. Но сколько майор ни пытался припомнить таковых, у него ничего не получалось. Как оказалось, сделать подобный выбор было не просто – каждый его десантник слыл отличным бойцом, но не полиглотом. Объясниться мог каждый, но акцент выдавал бы любого.

– Вот у тебя, майор, молодой перспективный офицер служит. С красным дипломом Академию закончил, на хорошем счету, английским владеет в совершенстве. Бери, не пожалеешь, – внезапно предложил комполка.

– Это кто же, товарищ полковник? – искренне удивился Лавров, прежде чем догадался, о ком идет речь.

– Капитан Збруев. Ты о нем не думал?

Прозвучавшая из уст комполка Павлова фамилия поставила Лаврова в тупик. Он был готов взять с собой в Норвегию кого угодно, но только не молодого капитана, толком не научившегося стрелять.

«Может, из него получится хороший переводчик, но никак не десантник», – вскользь подумал Батяня и тут же ответил:

– Он совсем «зеленый», да и опыта у него ни...

– Вот под твоим руководством и наберется, – требовательно оборвал командир полка, видимо, уже все решивший за майора Лаврова.

– Если это приказ, я не возражаю, – понимая, что спорить с командиром бесполезно, хмуро ответил Лавров.

Подполковник Ванеев несколько раз кашлянул, напомнив о своем присутствии и как бы давая понять майору, что и СВР причастна к выбору второй кандидатуры. Павлов и Лавров смолкли. Скрестив руки на животе и прищурившись, подполковник внимательно смотрел на Лаврова. Взгляд сотрудника СВР был, мягко говоря, тяжелым.

– Не торопись отвечать, майор. В случае провала мы отказываемся от вас, и из норвежской тюрьмы вас никто вытаскивать не станет. Зато в случае успеха можешь рассчитывать на

самую высокую награду. Хочешь – квартиру в Москве, хорошее место в Министерстве обороны. Сразу получаешь подполковника, а потом и очередное звание. Что угодно...

Обещания Ванеева звучали заманчиво и даже были вполне реальны, но майор был не понаслышке знаком со стилем работы российских спецслужб.

«Он выполнит обещание, но после этого я стану его должником на всю оставшуюся жизнь».

– Я офицер, у меня присяга, – несколько пафосно ответил Батяня, – я не за деньги и квартиры служу. А ваш вице-адмирал присягу нарушил. Вернемся, тогда и обсудим.

– Он не наш, он сам по себе. Так ты согласен, майор? – Подполковник вопросительно поднял брови.

– Да.

Как только подполковник из Службы внешней разведки покинул кабинет, Павлов принял в рабочем кресле расслабленную позу. Между указательным и средним пальцем затемнела толстая кубинская сигара, блеснула нержавеющей бензиновая зажигалка. Лавров смотрел на комполка, не понимая, что происходит, обычно Павлов курил российские сигареты средней паршивости. Сигара в его пальцах смотрелась нелепо. Уголки губ комполка медленно поползли вверх, но тут же застыли, словно зацепились за два невидимых крючка.

– Скользкий тип! – произнес хозяин кабинета и пододвинул на край стола деревянную коробку. – Угощайся. Кубинские коллеги подарили. Надо же эту коробку прикончить. Один не осилю. Знаю, что ты к ним на Кубе приистрастился.

Скусив кончик сигары, Андрей неглубоко затянулся, задумчиво посмотрел в окно, за которым начинал моросить дождь. За годы службы Лавров успел изучить комполка Павлова настолько, что знал наперед, о чем тот станет говорить.

– Я думаю, ты понимаешь, на что идешь. – Полковник пустил над столом кольцо терпкого табачного дыма. – Совершенно очевидно, что СВР абсолютно не хочет подставлять своих людей, ведь в случае повторного провала в ведомстве полетят погоны и головы.

Батяня не останавливал Павлова, хотя понимал, что дальнейший разговор – это только подведение итога. После того, как прозвучало согласие – короткое «да» – хода назад не было. Но из уважения к командиру он всегда дослушивал подобные монологи до конца.

– Отправляя тебя и капитана Збруева, они ничем не рискуют. В случае успеха, шансы на который невелики, всегда можно будет сказать – мы грамотно выбрали исполнителей! А в случае провала откеститься от вас: мол, это люди Министерства обороны. – Хозяин кабинета остановился и выжидающе посмотрел на Батяню.

Последнее слово оставалось за майором Лавровым. Хоть он уже и не мог отказаться от участия в предложенной СВР операции. Отбросив лишние сомнения и раздавив окурочек в пепельнице, он решительно спросил:

– Капитана они мне подсеяли?

– Какая разница – кто? Удачи тебе, майор! – проговорил комполка Павлов. – Он хороший десантник, просто вы с ним сразу не ладили. Как бы получше сказать? Вы с ним разные биологические виды...

* * *

Новомодное здание, отделанное розовым туфом, гордо возвышалось над кварталом, почти как Эйфелева башня над центром Парижа. Конечно, его размеры были не столь грандиозны, как у французской великанши, но по здешним меркам и двадцать этажей – это солидно. Однако, помимо высоты, здание обладало еще одной немаловажной особенностью – на крыше размещалась вертолетная площадка. Для столицы Пакистана – Исламабада, это явление не рядовое. За внешней красотой и изящностью здания, отгороженного от улицы высоким сплош-

ным забором, скрывалась организация, державшая в страхе всю страну – государственная служба безопасности.

Об этом напоминали десятки камер наружного наблюдения и четверо автоматчиков в форме цвета хаки, прохаживающиеся у ворот. Их габаритные, рельефные фигуры переливались бицепсами и трицепсами, как у спортсменов на соревнованиях по бодибилдингу.

Прохожие однородной серой массой тянулись по противоположной стороне улицы, хотя тротуар у здания был свободен. Никто из толпы не осмеливался задерживать взгляд на «страшном» здании. Каждый знал, как к подобному проявлению интереса могут отнестись автоматчики. Бывали случаи, когда особо любопытных горожан просто затаскивали во внутренний двор. А в прошлом году чуть не поплатился свободой иностранный журналист, рискнувший заснять на видеокамеру появление у стен здания премьерского кортежа. Поэтому прохожие делали каменные лица и, ускоряя шаг, пытались как можно быстрее преодолеть опасный участок.

В отличие от душной улицы, где термометр фиксировал запредельную плюсовую температуру, в кабинете заместителя главы пакистанской службы безопасности было прохладно – дорожный канадский кондиционер работал на полную катушку. От исходившего от него холода даже кукожились лепестки на цветах. Вместе с кондиционером гудели вентиляторы компьютеров, выстроившихся на длинном, вытянутом сосиской столе. По жидкокристаллическим экранам плоских мониторов бежали, словно на перегонки, строчки текста.

Позади собравшихся за столом совещаний в конференц-зале пакистанцев возвышался стеклянный шкаф. Большое подарочное издание Корана на одной из его полок блестело и сверкало так, будто только вчера вышло из-под типографского пресса. Со стены, обрамленный в красивую резную рамочку, сердечно улыбался харизматический пакистанский президент Первез Мушарраф. Его строгий, будто осуждающий взгляд, был сфокусирован на затылке высокого седобородого мужчины в коричневом костюме – Харуна Рашида Асвада.

Он стоял во главе стола, опершись руками о спинку кожаного офисного кресла. Его обесцветившиеся от долгой речи губы давно пересохли и напоминали потрескавшуюся землю пустыни. За его эмоциональным выступлением следило шестеро пар глаз подчиненных – напряженные лица, задумчивые взгляды. Казалось, они полностью отрешились от всех мирских проблем и были готовы пойти по приказу заместителя начальника службы безопасности хоть на край света.

Харун Рашид Асвад остановился и, облизывая пересохшие губы, скосил глаза на стоящий перед ним стакан с водой. Не прошло и трех секунд, как он уже бережно вытирал носовым платком капли воды, заискрившиеся в седой бороде. Довольно причмокнув, он, наконец, опустился в кресло и окинул подчиненных холодным змеиным взглядом.

– ...проще говоря, эта русская свинья обманула и своих хозяев. Наши лучшие умы в посольствах Стокгольма и Осло внимательно отслеживают ситуацию. Сперва мы даже поверили в крушение самолета. Однако, сопоставив некоторые факты, наши аналитики...

Замначальника службы безопасности опустил руки на клавиатуру. Его взгляд пробежался по экрану монитора.

– Дипломатические источники сообщили, что американский посольский особняк в зоне отдыха недалеко от Нарвика, который обычно пустовал, стал в последние дни усиленно охраняться. Установлена новейшая система сигнализации, камеры наблюдения и даже радары. А в ближайшее время никаких высокопоставленных гостей из Соединенных Штатов в Норвегии не ожидается. Следовательно, именно там и могут удерживать пленника, – зачитал выкладку аналитиков Харун Рашид Асвад.

На некоторое время в конференц-зале повисла длинная пауза – каждый из присутствующих осмысливал полученную информацию. Когда молчание дошло до критически напряженной точки, один из подчиненных несмело спросил:

– Гусовского следует казнить за экологическое преступление?

Обстановка разрядилась. Асвад встал с кресла и, подойдя к окну, отодвинул край жалюзи. На паркете нарисовалась полоска солнечного света.

– Я бы с удовольствием сам отрезал ему голову. Но оставьте эти сказки для газетчиков. Вице-адмирал обладает доброй половиной ядерных секретов России...

Харун Рашид внимательно следил из окна за одним из охранников, прохаживающимся вдоль бетонного забора.

– Да, у нас есть ядерное оружие, однако до паритета с грязными индусами, которым, как обычно, помогают русские, нам еще далеко.

Вновь прозвучал тот же несмелый голос:

– Правильно ли я понимаю...

– Да, – перебил подчиненного Асвад, – вице-адмирала следует выкрасть любой ценой и тайно доставить в Исламабад. Дипломатических демаршей со стороны наших союзников-американцев не последует, ведь они уже объявили на весь мир о гибели Гусовского.

Постояв у окна еще некоторое время, седобородый заместитель начальника службы безопасности вернулся на свое излюбленное место. Когда его руки вновь уперлись в подголовник офисного кресла, он перешел к заключительной части своего сегодняшнего выступления:

– А теперь слушайте вашу задачу. В первую очередь мы должны обеспечить надежное прикрытие. Ваше легендирование будет оформлено следующим образом...

* * *

Идея открыть в норвежском Нарвике ирландский паб явно пришла кому-то в голову не в доброе время. То ли производители густого крепкого пива решили обозначить свое присутствие и в этом «медвежьем углу» Европы, то ли владельцы рассчитывали, что в паб повалят военные с американской базы – те, у кого ирландские корни. Так или иначе, но работал паб уже третий год.

Его фасад, залитый по ночам зеленой подсветкой, стал украшением этого небольшого северного городка. Вот только с климатом Нарвик подкачал. В теплых странах можно и пиво пить, но суровый норвежский климат предполагал более крепкие напитки. Местные любители выпить это заведение особо не жаловали. Преобладали туристы. Потянулись и военные, но почему-то не ирландского происхождения, а темнокожие афро-американцы.

Уже стемнело. На улицах Нарвика, как всегда в это время, было почти безлюдно. Нагло рассекая темноту фарами по узкой улочке, застроенной небольшими коттеджами, катил «Ниссан Террано». Для европейцев, привыкших к сдержанности, выглядел он достаточно вызывающе: сверкающий «кенгурятник», спойлер, дуга с фарами на крыше и прочие навороты.

Машина притормозила за полквартала до ирландского паба. Мужчина, сидевший за рулем, оттопыренным указательным пальцем сдвинул на затылок техасскую ковбойскую шляпу. На заднем сидении расположились две длинноногие красавицы – блондинка и брюнетка-ведьмочка. Мужчина ни повадками, ни внешностью на сутенера не походил, а вот девушки вполне располагали к «приятному общению». Разговор между водителем и его пассажирами велся довольно странный.

– Ваша задача, красавицы, разговорить парней. Что будет у вас потом, меня мало интересует.

Брюнетка сдержанно хихикнула:

– Мистер Ричардсон...

Блондинка вела себя более сдержанно.

– Не в первый раз. Все пройдет гладко, ведь нас здесь никто не знает, а это большое преимущество.

Тот, кого называли мистером Ричардсоном, согласно кивнул и вновь надвинул странную для этих северных краев шляпу на самые глаза.

– За работу, я буду на связи.

«Ночные бабочки» выпорхнули из машины. Девушки, взявшись за руки, неторопливо двинулись к ирландскому пабу. Звякнул колокольчик, и они исчезли за основательной деревянной дверью. Водитель «Ниссана» взял с панели мобильный телефон. Но сообщения, которого он ждал, на экране до сих пор не было. Внедорожник лихо развернулся на небольшой площадке и растворился в улочках сонного норвежского городка.

Тротуар перед заведением, где можно было выпить темное крепкое пиво, пустовал не долго. Спокойную тишину нарушил грубый мужской смех. Двое темнокожих американских морпехов остановились под вывеской. В зеленой подсветке их лица выглядели устрашающе: зеленые зубы, зеленые белки глаз и черные, как головешки, головы.

Умудренный опытом сержант похлопал по плечу своего более молодого «брата по оружию».

– Хреновая страна, хреновая погода и ты хреново выглядишь.

– Хорошо хоть в город удалось вырваться. Лейтенант вконец озверел. Что-то затеяли на базе – можно подумать, какое-то новое оружие доставили. Режим секретности, как на атомной субмарине.

Сержант взглянул на часы.

– С какой скоростью будем продвигаться? – Хитрая улыбка раздвинула пухлые губы негра.

– Моя крейсерская скорость четыре бокала в час.

Более молодой морпех приложил ладони к вискам, чтобы прикрыть глаза от назойливой зеленой подсветки, и заглянул в узорчатое окно паба.

– Доложи обстановку.

– Пять местных рыбаков, – прозвучало без особого энтузиазма, – и... – в голосе почувствовалась интрига, – тебе кто больше нравится? Блондинки или брюнетки?

Умудренный жизнью сержант криво усмехнулся:

– Все равно все они крашенные, а цвет волос у женщины – это не главное.

Вновь звякнул колокольчик за входной дверью. Прозвучало короткое приветствие, и морпехи переступили порог.

Обычно белесое в это время года ночное северное небо заволокли низкие тучи. Края горизонта сделались совсем черными, и лишь город подсвечивал небосвод над собой. Холодный влажный ветер порывами налетал с Вест-фьорда. Заморосил дождь.

На другой стороне улицы перед опущенными ролетами магазина незло переругивались двое крепко сбитых мужчин.

– В который раз мы уже накалываемся, Костя? Я же тебя предупреждал – следи за временем. А ты – успеем, успеем... Вот и успели. Пора бы уже и усвоить. В шесть часов вечера в Норвегии все магазины, как один, закрываются, и бухла взять негде. Только на заправках, а за руль не сядешь, уже выпили. – Нечастая в этих краях русская речь звучала на улице.

– А все их долбанные европейские профсоюзы виноваты. Мол, нельзя наемным работникам перерабатывать. Из-за этого и наш с тобой бизнес страдает. То ли дело у нас в Питере: и ночники, и «стекляшки», сколько угодно, когда угодно и где угодно. Пей, хоть залейся.

– Пиво, конечно, напиток для бывших десантников в это время дня не характерный. Но что сделаешь, Валера? Придется душиться. Ты микроавтобус закрыл? Все-таки не наш – напрокат взяли.

– Тут можно и дверцы нараспашку оставлять – никто ничего не возьмет.

Без особого энтузиазма Константин с Валерием смотрели на вывеску паба.

– Рискнем, не отравимся. Выбора у нас все равно нет.

– Догоняться пивом после водки – верный путь к алкоголизму.

Уверенно, словно шагали по своей земле, бывшие десантники, а теперь бизнесмены средней руки, направились к пабу.

Как всегда бывает в полупустых провинциальных заведениях, когда появляются новые посетители, разговоры мгновенно смолкли и все присутствующие дружно повернули головы, рассматривая вошедших. Темнокожие морпехи «грели» в руках вместительные бокалы с темным пивом. Уже познакомившиеся с ними блондинка и брюнетка счастливо улыбались. Четверо норвежских рыбаков со скорбными лицами даже приостановили игру в карты. Этих двух русских видели в пабе впервые, и немудрено, ведь они только сегодня приехали в Нарвик.

– И чего они на нас так пялятся? – тихо поинтересовался Константин у своего компаньона по бизнесу.

– Они не на нас, а на тебя пялятся. Тельняшку под куртку надел, так хотя бы застегнулся! Моряк выискался!

– Я не моряк, а десантник.

– Бывший! И кожаную бандану мог бы снять.

– А! Сойдет для сельской местности.

Рука с татуировкой «ВДВ» легла на стойку бара.

– Два пива, – по-английски заказал Константин и по-русски добавил: – Для начала.

Когда двое бывших десантников уютно устроились за столиком и потягивали густое, как наваристая уха, ирландское пиво, посетители потеряли к ним интерес и вернулись к прежним занятиям. Седобородый рыбак записал мелом на аспидной доске счет и вновь раздал карты. Темнокожие морпехи заказали еще по пиву для себя и своих друзей. Вечер обещал пройти мирно.

– Не часто здесь американок встретишь. – Молодой морпех не стесняясь разглядывал пышный бюст блондинки.

Девушка подалась вперед, и ее грудь, затянута в теплый трикотаж, буквально легла на стол, обтекая бокал с пивом.

– Нам про Нарвик подруги совсем другое рассказывали, – лукаво косила глазами блондинка, – приехали, осмотрелись, а тут скучно. Из стоящих парней – только вы.

– Тут всегда так? Или бывает повеселее? – Брюнетка не стала сбрасывать со своего плеча тяжелую руку умудренного жизнью морпеха.

– Обычно наших тут больше, – ответил тот.

– Держитесь нас, не пропадете. – Молодой негр тоже обнял блондинку.

– Завтра веселее будет? – Девушка игриво накручивала на палец золотые волосы.

– С нами и сегодня будет весело.

– Не сомневаюсь. Иначе бы и не сели за ваш столик. А завтра встретимся?

– Служба, – прозвучало в ответ немногословное.

– Надо успеть все сегодня.

Услышав это, девушки двусмысленно засмеялись.

– Это уж как получится. Вы уж своим друзьям подскажите, где они могут найти завтра нескучную женскую компанию.

Брюнетка выразительно пошевелила пальцами, будто мяла в них невидимую купюру.

– Не только это нас интересует. Должен быть выбор. Я лишь бы с кем развлекаться не люблю.

– В этом вам не повезло, – молодой морпех глотнул темного пива и промокнул салфеткой густую пену на пухлых губах, – с прошлой недели в город мало кого выпускают.

– Что-то такое я от подруги слышала, – блондинка прильнула к излишне разговорчивому молодому сержанту, – она говорила, у вас на базе пополнение: сильные «голодные» парни.

– Насчет сильных, сомневаюсь. Служба в последние дни у них все силы отбирает.

Умудренный жизнью сержант с осуждением посмотрел на своего молодого товарища: мол, не болтай лишнего. Тот лишь пожал плечами. Они же свои, американки. Да и что такого я сказал? Блондинка тем временем уже «наострила уши»: «На каком языке те двое между собой разговаривают?» – она взглядом указала на Константина и Валерия. Бывшие десантники, как бывает с подвыпившими, беседовали излишне громко. Морпехи прислушались, переглянулись, никому не хотелось упасть в глазах друг.

– Сербский, – уверенно констатировал умудренный жизнью сержант, – когда я в Сараево служил...

Полные бокалы бывших десантников глухо, как два булыжника, сошлись над столом.

– Родным повеяло. – Константин рассматривал форму морпехов. – Считай, те же десантники, как и мы с тобой. Давай, за ребят, с кем служили.

– И за нашего взводного! Наверное, он уже в полковниках. – Валерий с завистью глянул веселых девиц. – И тут мы опоздали: ни бухла, ни красоток.

– А еще женатый человек, – без особого осуждения произнес Константин.

На повышенных тонах разговаривали и подвыпившие морпехи. Ни бармен, ни норвежские рыбаки не обращали на чужаков внимания, словно тех и не существовало. Так уж тут принято было. Военная база, туристы жили своей жизнью, а городок – своей, они существовали в трех параллельных плоскостях, которые, как известно, не пересекаются, во всяком случае, в теории. Но теории обычно опровергается практикой. Норвежцы продолжали игру в карты, бармен сосредоточенно протирал бокалы, девицы ненавязчиво выспрашивали у темнокожих морпехов о том, что происходит на американской военной базе. А российский бизнесмены средней руки – бывший десантники – немного не рассчитали свои силы. Пить-то они привыкли светлое, а не крепкое, как вино, ирландское пиво, потому и затронули в разговоре скользкую, опасную тему.

– Ты, Костя, не подумай, я ничего против кавказцев не имею. Воевать, ничего не скажешь, они умеют. Вспомни ту же Чечню. Но все же правильно, что их у нас в десант не берут, хотя бы из-за той же Чечни.

– Может, оно и обидно, – задумчиво отвечал Константин, его зычный голос сотрясал воздух, – у пацана такой же русский паспорт, как и у нас с тобой, а его не берут.

– Расизм, – попыток Валерий, – но правильно для безопасности страны. Для нас кавказцы то же самое, что негры в Америке.

– А у них негров в морскую пехоту берут. – Константин, произнося эти слова, непрестительно долго задержал взгляд на темнокожих морпехах.

Умудренный жизнью сержант и так уже насторожился, слышав интернациональные слова: «негры» и «Америка». Они и по-сербски звучали так же. Когда же они повторились, он не выдержал. Звучно отставил бокал с пивом и поднялся из-за стола. Брюнетка попыталась его удержать, но морпех даже не заметил этого. Константин с Валерием даже не поняли, почему темнокожий американец застыл возле их стола. Бывшие десантники переглянулись. Константин неуверенно взял зажигалку. Может, человеку прикурить надо?

– Забери свои слова обратно, – достаточно вежливо, но грозно попросил афро-американец по-английски.

– Не понял?! – Константин уже напрягся, почувствовав агрессию.

– Ты меня и моего товарища неграми – черномазыми назвал. Думаешь, я по-сербски не понимаю? Да мы в Югославии...

На этот раз бывших десантников больно задело слово «Югославия».

– Оккупанты хреновы, – вырвалось у Валерки, – а то ты не негр? На себя посмотри, черный, как головешка.

И хоть сказано это было по-русски, глаза сержанта по-бычьему налились кровью. Он сжал пальцы на краю столешницы. Казалось, еще одно слово, и тяжелый стол из дубового массива

взлетит вверх тормашками. Константин попробовал смикшировать ситуацию, принялся объяснять по-английски, что у него на родине в слове «негр» нет ничего оскорбительного. Но сделал только хуже.

Сержант, правда, не рискнул переворачивать стол. Резким движением руки он сбросил на пол бокалы с пивом.

– Да я тебя!.. – Валерка вскочил из-за стола и стряхнул густую липкую пену с джинсов.

Молодой темнокожий американец уже стоял за спиной у Валерки, готовился перехватить руку, если тот вздумает ударить. На верещающих девушек никто не обращал внимания. Бармен спрятал под стойку поднос с протертыми бокалами и напомним:

– Не здесь.

– Он прав, – Константин немного протрезвел и демонстративно почесал кулак с татуировкой «ВДВ», – лучше уйдем.

– Нет, лучше выйдем! – завелся более вспыльчивый Валерий.

И не успел его компаньон возразить, как он уже распахнул дверь и картинным жестом предложил морпехам проследовать на улицу. Последним паб покидал Константин. Он обернулся в дверях и убедительно пообещал:

– Все будет в порядке. Я контролирую ситуацию.

Уже оказавшись под усилившимся дождем, он подумал:

«Вот же и ко мне прицепились эти дурацкие американские фразы. Контролирую ситуацию!»

Валерий завернул за угол, куда не доставал свет фонаря, и принял стойку.

– Мы, если надо, извинимся, обидеть вас не хотели, – попытался «взять ситуацию под контроль» Константин, но она зашла слишком далеко для этого.

Морпехи переглянулись. Бить, калечить зарвавшихся «сербов» они не собирались, хотели лишь поставить их на место. Любой американец, даже темнокожий, был в их понимании на голову выше всякого европейца. Конечно же, кадровые военнослужащие были в лучшей форме, чем бывшие десантники. Но с ними сыграло злую шутку то, что они недооценили противника. Перед ними стояли тоже неплохо подготовленные парни.

Кулак темнокожего морпеха без всякого предупреждения вспорол воздух. Удар должен был прийтись Валерию в плечо. Максимум, что ему светило – упасть на мокрый асфальт. На этом разборка, по мнению американцев, и должна была закончиться, в мыслях они уже спокойно попивали темное ирландское пиво в компании красоток. Но навыки, приобретенные в десанте, не забываются, как умение плавать или ездить на велосипеде. Бывший десантник ушел от удара и даже не успев подумать, на полном автомате врезал морпеху в челюсть снизу. И тут же добавил ногой в живот. Константин понимал, что все получается безобразно и глупо, но ему пришлось обороняться. Пропустив удар в грудь, он рухнул на тротуар, однако успел перебросить через себя ногами прыгнувшего на него молодого морпеха, и сам навалился на него.

Первые секунды драки прошли без слов, а затем посыпались американская ругань и русский мат. Морпехи и десантники наносили удары, уклонялись. Мужчины вошли в азарт. Никто из них уже не думал о нанесенных обидах, каждый старался продемонстрировать свое мастерство, доказать, что он сильнее и лучше.

– Они поубивают друг друга. Черт! – воскликнула блондинка, глядя на стремительно мелькающие за узорчатым окном паба тени.

Звуки ударов и ругательств перекрыли тихозвучащую музыку.

– Звони мистеру Ричардсону, – торопливо проговорила брюнетка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.